

ФЕЛИКС ЧУЕВ

140
БЕСЕД
С МОЛОТОВЫМ
ВТОРОЙ ПОСЛЕ СТАЛИНА

Москва
Издательство
РОДИНА
2019

ФЕЛИКС ЧУЕВ

140
БЕСЕД
С МОЛОТОВЫМ
ВТОРОЙ ПОСЛЕ СТАЛИНА

Москва
издательство
РОДИНА

УДК 94:929(47+57)
ББК 63.3(2)62-8
Ч-85

Чуев, Феликс Иванович.

Ч-85 140 бесед с Молотовым. Второй после Сталина / Феликс Чуев. — Москва : Родина, 2025. — 656 с.

ISBN 978-5-907149-23-6

Жизнь Вячеслава Молотова неразрывно связана с историей СССР. Он работал с Лениным, был членом Военно-революционного комитета по подготовке Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, заместителем Председателя Государственного Комитета Обороны в Великую Отечественную войну, занимал высокие посты в партии и правительстве, с 1939 по 1956 год вел нашу внешнюю политику, встречался практически со всеми крупными деятелями XX века.

На протяжении 17 лет Феликс Чуев регулярно встречался с Вячеславом Молотовым. 140 бесед, каждая из которых длилась по 4—5 часов. То, что вошло в данную книгу, — не мемуары Молотова, а живой разговор. Он рассказывал, а не надиктовывал. Многие суждения было весьма непросто «вытащить», некоторые эпизоды он с первого раза не раскрывал, и приходилось возвращаться к ним через 5, 10, 15 лет...

УДК 94:929(47+57)
ББК 63.3(2)62-8

ISBN 978-5-907149-23-6

© Чуев Ф. И., 2019
© ООО «Издательство Родина», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	6
Международные дела	18
Зарубежные деятели	139
«Мы, вятские...»	149
Рядом с Лениным	197
Сталин и его окружение	254
Коллективизация	394
О репрессиях	405
Что такое социализм?	489
Братья писатели	526
Житейские дела и последние встречи	594
Примечания	642

ОТ АВТОРА

...Еду с Белорусского на электричке. Напротив сидит мальчик. Он пишет цифры на потном стекле, словно пытается угадать отпущенный ему на земле срок, хотя едва ли задумывается об этом. Этот мальчик умрет в 2060 году — так мне внезапно открылось, не знаю почему. Сейчас ему лет двенадцать. Я его больше не увижу, а если и встречу, то наверняка не узнаю. Да и он тоже. Но ему суждено познать гораздо больше меня. В нем будет больше спокойной ясности и равнодушия к тому, что сегодня волнует меня, о чем давно собираюсь рассказать. Попытаюсь — «не ведая ни жалости, ни гнева».

В пять лет я выучился читать. В доме были только политические книги да газета «Правда». Интерес к политике, а потом к истории возник рано и сохранился надолго. Может быть, поэтому жизнь и подарила мне встречи со многими видными политическими, государственными, военными деятелями, учеными, героями. Память и дневниковые записи высвечивают яркие личности маршалов А. Е. Голованова и Г. К. Жукова, адмирала Н. Г. Кузнецова, государственного деятеля К. Т. Мазурова, академиков А. А. Миклулина, С. К. Туманского, А. М. Люльки, авиаконструкторов А. С. Яковлева, А. А. Архангельского, летчиков М. М. Громова, М. В. Водопьянова, А. И. Покрышкина и многих, многих других — о каждом книгу можно написать.

Вячеслав Михайлович Молотов стоит особо в этом ряду. Я встречался с ним регулярно последние семнадцать лет его жизни — с 1969-го по 1986 год. Сто сорок подробнее записанных бесед, каждая по четыре-пять часов. Как бы ни относились люди к Молотову, мнение его авторитетно, жизнь его не оторвать от истории государства. Он работал с Лениным, был членом Военно-революционного комитета по подготовке Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, заместителем председателя Государственного комитета обороны в Великую Отечественную войну, занимал высокие посты в партии и правительстве, вел нашу внешнюю политику, встречался едва ли не со всеми крупными деятелями XX века.

Суждения его субъективны, во многом идут вразрез с тем, что сейчас публикуется как истина, но за семнадцать лет постоянного общения я имел возможность в какой-то мере изучить этого человека, с юности отдавшего себя служению идее. Безусловно, многое из того, что он рассказал, знал только он, и сейчас это трудно уточнить и проверить. Поэтому я буду приводить его высказывания, стараясь не комментировать их. Темы бесед с Молотовым были разнообразны, они касались самых напряженных моментов послеоктябрьской истории нашей страны. Это краткий конспект встреч с Молотовым,

дневниковые записи наших бесед. Здесь небольшая часть моего «молотовского дневника», составляющего свыше пяти тысяч страниц на машинке. Да, все эти годы я постоянно вел отдельный дневник, детально записывая каждую беседу, каждое высказывание, а в последующие встречи переспрашивая, уточняя...

То, что вошло в эту книгу, не мемуары Молотова, а живой разговор. Молотов рассказывал, а не надиктовывал. Многие суждения «вытащить» из него было весьма непросто, особенно в первый период нашего знакомства. Некоторые эпизоды Молотов с первого раза не раскрывал, и приходилось возвращаться к ним через пять, десять, пятнадцать лет...

Его видение событий оставалось неизменным. Он был сам себе цензурой. Менялся угол вопроса, но степень ответа оставалась прежней. Поэтому под одним отрывком в книге нередко стоят несколько дат.

Идти к нему надо было всегда подготовленным — кое-что знать о том, о чем собираешься спрашивать, помнить документы. И еще: я с ним встречался долго и часто, но каждый раз не забывал, что это — Молотов.

...Поражала завидная быстрота его реакции, когда он отвечал на вопросы. Обычно в начале беседы он говорил мало, больше слушал и сам спрашивал. А во второй половине встречи начинал рассказывать то, что нигде и ни от кого не услышишь. Щеки его розовеют, глаза, щурясь, по-юношески блестят.

Иногда Молотов волновался от давних воспоминаний и начинал слегка заикаться, причем спотыкался не на согласном звуке, а раза два-три повторял первый слог неподдающегося слова или все слово, если оно односложное. Он обладал чувством юмора, но анекдотов, по-моему, не любил, хотя иногда рассказывал. Чувствовал поэзию, помнил народные частушки, волжские песни. А с первого взгляда мог показаться суховатым. Однако умел общаться с людьми разного уровня развития и образованности.

Разговаривая с ним, я невольно следил за своей мыслью и речью, приучался к дисциплине беседы, краткости, сжатости — ни он, ни его учителя не терпели длиннот. Молотов был точен в формулировках и порой придирался, казалось бы, к незначительным мелочам. Любил докопаться до сути, был упрям и последователен в беседе. О себе говорил мало.

— Вы сидели во всех тюрьмах царской империи?

— Во всех основных, — тут же уточняет.

В 1985 году я написал о нем очерк, не обходя ничего острого. Он прочитал, в целом одобрил, сделал совсем немного замечаний. Я давал его в «Правду», но мне ответили, что они не публикуют материалы о своих бывших сотрудниках. Действительно, 22 апреля 1912 года Молотов участвовал в выпуске первого номера «Правды»...

Он понимал, что я буду писать о нем книгу. Сам он не оставил мемуаров. «Мне неинтересно, где, кто и что сказал, кто куда плюнул...

Ленин не писал мемуаров, Сталин — тоже... Есть люди, которые говорят, что видели мою книгу. Я пишу не мемуары, а пишу о социализме — что это такое и, как говорят крестьяне, „на кой он нам нужен“, — говорил Молотов.

Я не знал, сколько будет этих встреч. Когда они стали частыми, я ловил себя на мысли, что, может, в последний раз вижу его. Ведь еще в 1969 году, когда я впервые был у него дома, ему уже шел восьмидесятый год. Среднего роста, крепко сбитый, с большим упрямым лбом, острыми карими глазами — яркими, не тускнеющими с годами. Жесткие, седые усы — в его эпоху все политбюро было усатым.

Как проходили наши встречи? Обычно я приезжал на дачу в Жуковку, он встречал меня в прихожей — тепло, по-домашнему:

— Там кто, товарищ Феликс приехал?

Садился за стол, обедали, гуляли по лесу. («Я был Предсовнаркома, и то меня подслушивали, пойдем погуляем...») В первые наши встречи он мало рассказывал, отвечал на вопросы сдержанно — примерно так, как потом при малоознакомых гостях. Дальше — больше.

Что сразу бросалось в глаза — скромн, точен и бережлив. Следил, чтоб зря ничего не пропадало, чтоб свет, например, попусту не горел в других комнатах. Вещи носил подолгу — в этой шапке, в том же пальто он еще на правительственных снимках. Дома — плотная коричневая рубаха навыпуск, на праздник — серый костюм, темный галстук.

А впервые я увидел Молотова в 1955 году, когда был пионером, на 30-лети «Артека», носившего тогда имя В. М. Молотова. Не думал, что через годы буду жить в Москве, знакомые приведут меня на улицу Грановского, и я снова увижу этого человека — в домашней обстановке, в другом качестве, пенсионером, исключенным из партии, однако бодрым и оптимистичным. Оказалось, он знал мои стихи, за которые мне в ту пору доставалось.

До конца жизни у него была прекрасная память, и я старался все записать. У меня не было первоначального плана записок, я решил разделить их на несколько условных глав по темам, но получилось весьма приблизительно. Многие взаимно переплетаются. Но и другого выхода я не вижу: как из массы материала, не нарушая его достоверности, выбрать то, что может представлять интерес для читателя.

Из пяти тысяч страниц моего дневника выбрать не более семисот.

Очень непростая книга, и, повторяю, это не мемуары Молотова, ибо многое из того, о чем здесь говорится, было рассказано очень доверительно и могло бы и не попасть в книгу воспоминаний Молотова, если бы таковая была им написана.

Я располагал беседы не в хронологической последовательности, а, насколько возможно, по тематике, поэтому рядом могут соседствовать высказывания, которые разделены многими годами. Даты сохраняю — мне они дороги как память, а читателю дадут представление о времени изложения событий. Это дневник, который я старался

ся не исправлять и не приукрашивать. Здесь могут быть неточности, повторы, но так было записано тогда, в годы наших встреч.

...И все же над этим дневником мелькнул какой-то знак судьбы. В нашей семье Молотов был, пожалуй, наиболее уважаемым из всех тогдашних руководителей. Сталин — само собой. Сталин был богом. Выше его не было ни по должности, ни в сердце. Что бы ни говорили, это так. За ним был Молотов. Да и, пожалуй, не только в нашей семье. Несколько моих друзей зовут Славками — в честь его назвали. Это уж не внедришь никакими партийными директивами.

В 1946 году в пятилетнем возрасте я с увлечением читал речи Молотова в Организации Объединенных Наций, кое-что помню до сих пор наизусть. И мои родители связывали с его именем твердую внешнюю политику нашего государства, которая тогда вызывала у них гордость за Отечество.

В 1954 году в пионерском лагере я получил от мамы письмо, которое храню и поныне: «Ты, наверное, знаешь о той огромной радости, какую нам привез Вячеслав Михайлович из Женева, — радость для всех, кто хотел мира...» Это окончилась война во Вьетнаме. О незнакомом человеке, члене правительства, говорилось как о родном...

Отца моего уже не было ни на земле, ни в небе, через год умерла и мама. Положили здоровье на алтарь Отечества славный пилот великой войны и простая женщина. Им было тридцать семь и тридцать четыре соответственно. Обыкновенные люди, они честно работали, и никакого страха в нашей семье не было. А через несколько лет я впервые увидел своего деда, маминого отца. Он пострадал в тридцатые годы. Рассказы его отличались от того, что я прочитаю на «лагерную» тему. Но это другой разговор...

А Молотова, как я уже сказал, впервые увидел в «Артеке». Очень близко стоял возле него, даже дотронулся до рукава его костюма. Сфотографировал, когда он выступал. Мне было четырнадцать лет. Провожая его, на артековской Костровой площади, озаренной прожекторами, мы пели:

И помнит каждый час
Любимый Молотов о нас,
Как много сделал этот человек!

А еще через четырнадцать лет, когда я оказался у него в квартире, он мне подписал эту фотографию на память. Наши встречи стали частыми и продолжались до его смерти. Наверное, сама судьба связала меня с этим человеком. «Артек» носил имя Молотова, а потом я закончил Московский энергетический институт имени Молотова...

Я не собираюсь давать оценки ни ему, ни его рассказам и выводам, ни тем более эпохе, в которой проходила его политическая деятельность. Думаю, время для этого все-таки еще не пришло.

Я не видел его на работе, не знаю, каким он был там, сорок лет наверху, три десятилетия — вторым человеком в государстве.

Какой он был дипломат и политик — на этот счет есть высказывания разных политических деятелей мира. От его сотрудников, старых мидовцев, я узнал, что еще Ленин хотел поставить Молотова во главе наркомата иностранных дел и что Чичерин предложил его кандидатуру на этот пост Сталину.

«После революции германской политикой у нас занимались Ленин, Сталин и Чичерин, а потом — Сталин и Молотов, — говорил чрезвычайный и полномочный посол В. С. Семенов. — Они любили молодежь, и в МИДе много молодых работало».

Не знаю, каким он был на фронте внешней политики, но, конечно, не колотил ботинком по столу в Организации Объединенных Наций. Каким он был во внутрисоветской деятельности — написано немало. Одни считают его послушным исполнителем воли Сталина, преступником, другие — «молотобойцем революции».

Каким бы он ни был, он стал свидетелем и участником важнейших событий XX столетия. А свидетельства таких людей всегда интересны и важны, хоть времена и меняются.

Писатель Федор Абрамов несколько раз просил меня сводить его к Молотову. Я не смог уговорить Вячеслава Михайловича — он не любил принимать новых людей, — к кому привык, с теми и общался. Хотя иной раз, «под настроение», удавалось притащить к нему даже ярых оппонентов — знающих, подготовленных, ненавидящих Сталина и его окружение. Молотов обычно три-четыре часа отвечал на все вопросы, победить его в споре никому не удавалось, хотя каждый оставался при своем мнении.

А Федор Абрамов все-таки проник на дачу в Жуковке и спросил у Молотова: «Вы верите в коммунизм?»

Для Вячеслава Михайловича такого вопроса не существовало. Мне кажется, в этом ключ к пониманию его мировоззрения. Он не просто верил, не только верил, он был неколебимо убежден и делал то, что, по его мнению, должно было приблизить эту цель. Каждое событие он примерял к борьбе за коммунизм.

Когда я спросил у него: «Что главное в Ленине?» — он ответил: «Целеустремленность». И добавил: «У Ленина в каждой работе — подкоп под империализм».

В принципиальности ему не откажешь, и то, что он говорил, — не просто слова пытающегося оправдаться «неисправимого сталиниста». Нет, это твердое убеждение. Да и никаких попыток оправдаться я за все эти годы в нем не заметил. Он был человеком идеи. Имел свое твердое мнение по любому вопросу и всегда отстаивал его до конца. Он не понимал, как человека можно сломать, если тот в чем-то убежден. Шел на все, когда считал, что это нужно партии, делу рабочего класса. В разные периоды он сам не раз рисковал жизнью, не щадя прежде всего себя. Чего стоит только его полет в Лондон и Вашингтон в 1942 году над оккупированной немцами территорией!

Деяния — истина или ошибка, подвиг или преступление... Можно осудить или оправдать кого угодно — все зависит от того, какую

позицию занимает рассуждающий. Мне кажется, люди, подобные Молотову, многое мерили своей мерой. В этом часть трагедии.

У людей разные понятия добра и зла, и я не задумываюсь над тем, как будет выглядеть Молотов в моем дневнике. Один и тот же факт или событие нашей истории у одного вызывает негодование, а другого приводит в восторг.

Моя цель — правдиво и достоверно показать то, что я услышал и записал.

«Странные вы, русские! — сказал мне знакомый немец. — Обливаете грязью Сталина, который победил самого Гитлера, и поднимаете предателей...»

Мне вспомнился эпизод Второй мировой войны, когда ээсовский начальник в своем кабинете свел двух русских генералов — А. А. Власова и А. И. Деникина.

— Не знаю такого генерала, — сказал Деникин, когда ему представили Власова.

— Разумеется, — сказал ээсовец, — вы в разное время боролись с одним и тем же врагом — большевиками.

— Но я им не служил! — ответил Деникин.

...С моей точки зрения, каким бы борцом за справедливость ни был человек, если он изменил себе, он погибает как личность.

Столько возникает вопросов... Но если виноват один Сталин или даже вместе со всем тогдашним руководством, то какой же демонической, всепокрушающей силой обладал этот человек или горстка людей! Вот вам «герой и толпа». Нет, наверное, один или несколько человек такое бы сотворить не смогли без железной партии и поддержки абсолютного большинства населения страны — народа, для которого никогда не было альтернативы исторического пути, — по крайней мере, так ему говорили с высоких трибун и в былые времена, и сейчас, когда утверждается, что нет альтернативы капиталистическому рынку.

Пишут, что Сталину удалось обмануть народ, запугать, утратить... Но какова тогда цена народу, который так легко можно обмануть и запугать?

Важно и то, что и Сталин, и Молотов — те немногие из высшего руководства, кто и при жизни Ленина не состоял ни в каких антиленинских группировках. Не все ясно, когда изучаешь этот период. Многого трудно понять, тем более оправдать или простить. Будем разбираться, изучать документы, выслушивать противоположные мнения.

Но не перестаю удивляться забывчивости многих наших сограждан, особенно моих ровесников и тех, кто постарше. Я, например, отлично помню до сих пор события, формулировки, фамилии, даты, упоминавшиеся в газетах сороковых — пятидесятых годов. Недавно по телевидению я услышал рассказ бывшего крупного военного прокурора о том, что он раньше не знал о характеристике Ленина Сталину в завещании. Я же читал завещание еще ребенком, в сороковые годы. У отца на полке стояло несколько политических книг, и

среди них одна, изданная в 1936 году, где приводятся наиболее острые отрывки из ленинского завещания, причем с комментариями Сталина (Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Политиздат, тираж 305 тысяч экземпляров). Не помню, чтобы тогда этому придавалось большое значение. Пожелтевшая книга стоит у меня до сих пор. Но когда я показывал ее после XX и XXII съездов знакомым, возмущенный прозвучавшими с высокой трибуны словами о том, что Сталин якобы скрыл завещание Ленина, взрослые листали эту книгу с любопытством и мрачно молчали. Так у меня возникло неверие Хрущеву и желание самому покопаться в истории.

Над этой книгой я работаю двадцать один год и не тороплюсь: пусть выйдет, когда всем надоеет читать на эту тему, — так интересней. У меня в запасе вечность или хотя бы этот мальчик, что сидит напротив в электричке...

В журнале «Огонек» я прочитал о том, что известный снимок «Ленин и Сталин в Горках» не что иное, как монтаж, подделка. Я сразу вспомнил, как мы с Молотовым листали «Иллюстрированное приложение к „Правде“» от 24 сентября 1922 года, где был впервые опубликован снимок. Эту газету читал Ленин. Так что ж, получается, что монтаж был сделан при живом Ленине?

Сидим за столом. За окном — ясный зимний день России. Подмосковье, высокие сугробы. В снегу деревья, кусты, крыши...

— Не все сбылось, как думали, — говорит Молотов. — Многое на деле получилось не так. Многое сделано замечательно, но теперь этого недостаточно. Вы пришли на готовенькое, но поработать вам придется крепко.

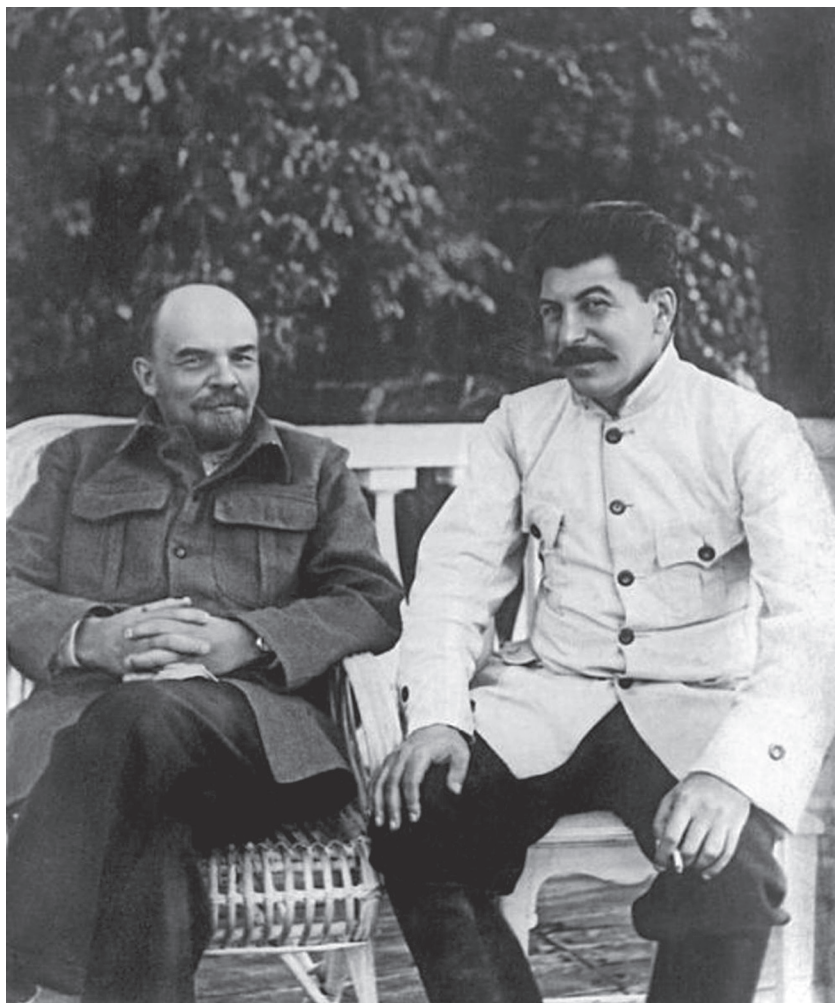
Он говорит, а я смотрю на снимок ленинских похорон: Сталин согнулся под тяжестью гроба Ильича, рядом подставил свое молодое плечо Молотов... Руководители были молоды, как страна.

На государственной даче в Жуковке Молотов прожил свои последние двадцать лет. После смерти жены (П. С. Жемчужина умерла в 1970 году) за ним ухаживали две очень заботливые и приветливые женщины — племянница жены Сарра Михайловна Голованевская и Татьяна Афанасьевна Тарасова — обе, под стать хозяину, хлебосольные, гостеприимные.

Мы обычно беседовали с двенадцати до четырех дня.

— Ешьте щи с кусками! Старорусская пища. Помню с детских лет. Куски черного хлеба настрогаешь в щи и кушаешь, — говорит Молотов. — Вот берите груши — нам из Грузии прислали по радио! Налейте себе коньячку, как Сталин говорил — для фундаменту! И мне на копейку можно. А эту пустую пора убрать. Микоян говорил: «Пустая бутылка керосином пахнет».

В половине наших встреч, да, точно, в семидесяти из ста сорока, в 1970–1977 годах участвовал Шота Иванович Кванталиани, историк по образованию, добрейший человек, с живым, ярким, моторным характером. Он умер внезапно в декабре 1977 года — и пятидесяти не было. Все советовал мне, как начать эту книгу: «Пиши так: старый добрый Белорусский вокзал...»

«Тов. Ленин на отдыхе». Иллюстрированное приложение к газете «Правды» от 24 сентября 1922 года

А Молотов прожил еще почти девять лет, но ездил я к нему с Белорусского уже без Шоты Ивановича. Приезжали старые друзья — писатели, ученые, военные, но круг знакомых был строго ограничен.

Несколько раз за годы наших встреч по Москве в самых авторитетных учреждениях ходили слухи о смерти Молотова. Немедленно звоню в Жуковку:

- Можно Вячеслава Михайловича?
- Он самый.

Так было три раза, не меньше. Приезжаю — в окне светелки видна его голова. Работает.

— Я человек девятнадцатого века, — говорил он. — С каким суеверием люди вступали в новый век, боялись всего!

Он дожил до «летающих тарелок» и нового курса партии на перестройку и ускорение. Перевел сто рублей в Фонд помощи жертвам Чернобыльской АЭС имени В. И. Ленина — смотрю на почтовую квитанцию от 18 июня 1986 года.

Уезжаю в Москву — он стоит в проеме двери, держась за косяк. Грустный-грустный, провожающий взгляд...

«Будут, конечно, на нашем пути срывы, неудачи, — говорил он, — но империализм все-таки трещит по швам!»

Он умер на девяносто седьмом году 8 ноября 1986 года, в тот день, когда ровно шестьдесят девять лет назад стоял рядом с Лениным, провозглашающим советскую власть. Вскрыли его завещание. В конверте была сберегательная книжка: пятьсот рублей на похороны — все накопления.

Еду на электричке с Белорусского вокзала. Стремлюсь получить историю из первых рук. Конечно, субъективную историю, но без нее, вероятно, и объективная не будет полной. А напротив меня на скамейке сидит мальчик и смотрит в окно...

Ноябрь 1990

* * *

Я — эмигрант во времени.

В разные десятилетия народ бывает разным. Люди перерождаются. Ощущаю это на себе. В детстве, да и потом, в юности, я старался тратить на свою персону минимум, и не потому, что не было денег, а потому, что считал — человек должен обходиться только самым нужным для жизни. Помню, лет в десять пошел в кино, захотелось купить бутылку апельсиновой воды, и деньги мама дала, да подумалось мне: как тяжело достаются отцу-летчику эти деньги... К тому же я читал о том, как экономил на себе Феликс Дзержинский.

Сейчас я стал по-иному относиться к стране и жизни. «Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...» Думается, в сегодняшние дни вряд ли появились бы Матросовы и Гастелло.

Люди, не понимая, спрашивают меня: неужели Молотов верил во все это? «Это» — социализм, коммунизм, воплощение идеи, которая дороже семьи, жены, детей и собственной жизни. Люди не могут понять его убежденность, потому что перед ними примеры других наших руководителей, особенно последнего времени, интенсивно не забывавших о благополучии своих близких. Многие из них, дожив до так называемой демократии, перекрасили свои бывшие кумачовые знамена.

Сталин и Молотов не терпели предателей. Сталин полностью выполнил клятву, данную у гроба Ленина. Сталин знал цену слову и всегда претворял в дело свои обещания народу. Потому его уважали

и друзья, и недруги. В идеале Сталин был создан историей для честных людей, но он видел запретное, зашторенное в человеке, потому ему и нет прощения от тех, в ком он это увидел. Таких, как Сталин и Молотов, было все же меньшинство, и они мерили своей мерой подчиненных, расправляясь с теми, кто не подходил под их мерку. Называйте их бескорыстными узурпаторами, но они стремились создать лучшее общество тружеников с бесплатными образованием, медициной, жильем. Но были ли готовы к социализму тысячи тех, кому надлежало это общество строить и жить в нем? Кроме того, многие не поняли, что строительство социализма — дело не одного десятилетия, но работа столетий, и стали дружно охаивать семидесятилетний, короткий, бесценный опыт отечественной истории.

«Социализм — это дело, которое требует много пота и крови», — говорил Л. М. Каганович, с которым я тоже встречался в последние годы его жизни. Я стал понимать, что образы большевиков, изображенных в произведениях искусства, не соответствуют действительности. Семнадцать лет постоянного общения с Молотовым дали мне громадный материал. «И меня какой-то уродец играет», — сказал Вячеслав Михайлович, увидев себя (якобы себя!) в художественном фильме о войне. О Молотове пишут, что это был твердолобый догматик, слепо повторяющий все то за Лениным, то за Сталиным. Могу смело сказать, что более умного, убежденного, последовательного и пронизательного человека я в своей жизни не встречал. А мне довелось общаться с десятками, сотнями личностей незаурядных, среди которых были выдающиеся и даже великие. Да что я — Молотову давали высочайшую оценку такие политики, как Черчилль и Даллес. И неудивительно, что у общавшихся с Молотовым возникал вопрос: каким же был Сталин, если рядом с ним более сорока лет был такой Молотов?

Мне думается, Сталина будут изучать еще не одно столетие, и потому весьма ценно все, что говорили о нем и его эпохе люди, соприкасавшиеся с ним. И, конечно же, в первую очередь такая крупнейшая фигура, как Молотов.

«Молотов — Риббентроп» — линия государственных границ на карте предвоенной Европы.

«Молотов-коктейль» — так называли немцы советские противотанковые бутылки с горючей смесью. В Германии это выражение помнят до сих пор.

«Молотов-баскет» — корзина предложений для переговоров на послевоенных международных форумах. Такие ассоциации вызывает имя Молотова в современной Америке.

Перед вами, читатель, не слухи и сплетни, а материал, как говорится, из первых рук. В вышедшей в 1991 году моей книге «Сто сорок бесед с Молотовым» издательством было допущено более ста опечаток, погрешностей и даже грубых ошибок. Так, на странице 80 напечатано: «Мы были в дураках», а следует читать: «Мы не были в дураках». Куда дальше? Есть и другие, не менее впечатляющие огрехи.

После выхода книги я стал получать письма от читателей. Писали о том, что книгу невозможно достать. Могу добавить, что за ее бортом осталось еще довольно много записей бесед с Молотовым. Я просмотрел тысячи страниц своего «молотовского» дневника и значительно дополнил книгу. Кроме того, в нее включена новая глава «Братья писатели», где приводятся высказывания Молотова о литературе и искусстве, его рассказы о встречах с писателями...

Если в первом издании я почти воздержался от комментариев, то здесь все-таки решаюсь кое-где поделиться своими впечатлениями, добавить рассказы других интересных лиц и некоторые истории из моих записных книжек. Меня спрашивают, какими были мои личные отношения с Молотовым. Об этом сказал сам Вячеслав Михайлович перед своими гостями 16 августа 1979 года:

— Феликс — один из лучших моих друзей.

«Сто сорок бесед» восприняли по-разному, да иного и не могло быть: к личности Молотова нет однозначного отношения. Сторонники социализма утверждают, что он оказался во многом прав, противники считают, что он в своих рассуждениях обнажил весь ужас построенной при Сталине системы, у истоков которой стоял Ленин. Подобные мысли мелькали и в рецензиях на книгу. Встречались и такие мнения: книга вредна. Один из читателей написал мне, что часть ее тиража была скуплена и уничтожена неизвестными лицами. Вредной считали ее и некоторые руководители, занимавшие высокие посты еще при власти КПСС. Они говорили мне: «Своей книгой вы всаживаете нож в спину нашей партии!» Той самой партии, которую они втихаря разваливали и через четыре-пять лет развалили вместе с величайшим государством.

Думаю, развал начался в 1956 году, с XX съезда партии, когда политический пигмей устроил храбрую пляску на могиле великана, смешав жестокую правду с доступной ложью. Через год — изгнание из верхов «антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова». Я интуитивно чувствовал, как ложь замещала историю, и сочинил наивное стихотворение «Мы не верим!», которое переписывал на папиросной бумаге. То была моя первая творческая попытка несогласия с властями. А потом, когда всю развернулась хрущевская стадия антисталинской кампании, я написал стихи «Зачем срубили памятники Сталину...», только за чтение которых людей в ту пору исключали из партии, — с одним таким человеком я встретился и подружился. Меня вызывали «в инстанции», прорабатывали в отечественной и западной прессе (причем с одинаковых позиций уже в шестидесятые годы!), устроили разнос в Союзе писателей, однако стихи понравились великому Шолохову, и он обнял меня в Вешенской так, чтобы все это видели... После этого травля в печати время от времени возобновлялась, но ко мне привыкли, и вот уже несколько десятилетий я ношу высокий титул «сталинист».

Первое издание книги о Молотове выходило с немалыми трудностями — это было начало 1991 года. В издательстве меня уговаривали назвать книгу не «Сто сорок бесед с Молотовым», а «37-й год был необходим», взяв эти слова в кавычки как высказывание Молотова. Я настоял на своем названии. Но я не мог добиться, чтобы сняли ненужное, на мой взгляд, и неприемлемое для этой книги послесловие. Директор издательства сказал мне, что в противном случае книга вообще не выйдет, потому что он хочет сидеть в своем кресле. Тогда я потребовал, чтобы в книге дали сноску, что я не разделяю позицию и положение послесловия.

Я не давал издательству права торговать моей книгой за рубежом и переводить ее на другие языки, однако директор искренне признался, что обманул меня, поскольку «является акулой империализма». Так-то...

Но книга все-таки вышла, двадцать один год моей жизни не пропал даром, и Молотов в ней такой, каким его видел я, а главное, он говорит то, что действительно говорил. Подтверждение тому — десятки сохранившихся у меня кассет магнитофонных записей.

Думаю, что ощущение собственной власти по-новому формирует человека. Тем более долгая власть. Молотов и сам считал, что нельзя сидеть так высоко длительное время. Общаясь с бывшими руководителями, я заметил одну общую присущую им черту: если привыкаешь к такому человеку, он старается руководить и тобой, хотя давно не у власти. В силу моего характера мной особенно не поруководишь, где сел, там и слезешь, и все-таки я это чувствовал...

Первую заявку на эту книгу я написал в 1985 году, еще при жизни Молотова. Она сохранилась: «Книга будет состоять из 150 бесед с В. М. Молотовым...» Я ошибся, думал, Молотов еще проживет. Бесед оказалось сто сорок... Но чтобы и их вычерпать, мне понадобились годы. Молотова, как и сталинскую эпоху, постичь нелегко. У каждого свой опыт. Я немного жил при Сталине, но помню очень много. Мне было одиннадцать лет, когда он умер, и первая моя заметка была опубликована в газете в марте 1953 года, и была она о Сталине. Так начался мой литературный стаж.

И вот перед вами, читатель, гораздо более полная книга моих бесед с Молотовым. Говорю «гораздо более полная», ибо все напечатать пока просто невымыслимо.

Феликс Чуев, январь 1999

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДЕЛА

Новая карта

Главным делом своей жизни Вячеслав Михайлович Молотов считал укрепление социалистического строя, усиление военной, экономической и политической роли нашей страны и всего социалистического содружества, ослабление позиций империализма.

— Хорошо, что русские цари навоевали нам столько земли. И нам теперь легче с капитализмом бороться.

14.01.1975

— Свою задачу как министр иностранных дел я видел в том, чтобы как можно больше расширить пределы нашего Отечества. И, кажется, мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей.

...Вспоминается рассказ А. И. Мгеладзе (Первый секретарь ЦК КП Грузии в последние годы жизни И. В. Сталина), дополненный Молотовым, о том, как после войны на дачу Сталина привезли карту СССР в новых границах — небольшую, будто для школьного учебника. Сталин приколот ее кнопками на стену:

«Посмотрим, что у нас получилось... На Севере у нас все в порядке, нормально. Финляндия перед нами очень провинилась, и мы отодвинули границу от Ленинграда. Прибалтика — это исконно русские земли! — снова наша, белорусы у нас теперь все вместе живут, украинцы — вместе, молдаване — вместе. На Западе нормально». И сразу перешел к восточным границам. «Что у нас здесь?.. Курильские острова наши теперь, Сахалин полностью наш, смотрите, как хорошо! И Порт-Артур наш, и Дальний наш. — Сталин провел трубкой по Китаю. — КВЖД наша. Китай, Монголия — все в порядке... Вот здесь мне наша граница не нравится!» — сказал Сталин и показал южнее Кавказа¹.

28.11.1974

— С этим делом мы, конечно, немножко переборщили, но на юге кое-что намечалось. Однако во всем надо знать меру, а то можно и подавиться.

Вопрос о Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии и Бессарабии мы решили с Риббентропом в 1939 году. Немцы неохотно шли на то, что мы присоединим к себе Латвию, Литву, Эстонию и Бессарабию. Когда через год, в ноябре 1940 года, я был в Берлине, Гитлер спросил меня: «Ну хорошо, украинцев, белорусов вы объединяете вместе, ну, ладно, молдаван, это еще можно объяснить, но как вы объясните всему миру Прибалтику?»

Я ему сказал: «Объясним».

Коммунисты и народы Прибалтийских государств высказались за присоединение к Советскому Союзу. Их буржуазные лидеры приехали в Москву для переговоров, но подписать присоединение к СССР отказывались. Что нам было делать? Я вам должен сказать по секрету, что я выполнял очень твердый курс. Министр иностранных дел Латвии приехал к нам в 1939 году, я ему сказал: «Обратно вы уж не вернетесь, пока не подпишете присоединение к нам»².

Из Эстонии к нам приехал военный министр, я уж забыл его фамилию, популярный был, мы ему то же сказали. На эту крайность мы должны были пойти. И выполнили, по-моему, неплохо.

Я в очень грубой форме вам это представил. Так было, но все это делалось более деликатно.

— Но ведь приехавший мог предупредить других, — говорю я.

— А им деваться было некуда. Надо же как-то обезопасить себя. Когда мы предъявили требования... Надо принимать меры вовремя, иначе будет поздно. Они жались туда-сюда, буржуазные правительства, конечно, не могли войти в социалистическое государство с большой охотой. А с другой стороны, международная обстановка была такова, что они должны были решать. Находились между двумя большими государствами — фашистской Германией и Советской Россией. Обстановка сложная. Поэтому они колебались, но решились. А нам нужна была Прибалтика...

С Польшей мы так не смогли поступить. Поляки непримиримо себя вели. Мы вели переговоры с англичанами и французами до разговора с немцами: если они не будут мешать нашим войскам в Чехословакии и Польше, тогда, конечно, у нас дела пойдут лучше. Они отказались, поэтому нам нужно было принимать меры, хоть частичные, мы должны были отдалить германские войска...

Молотов никогда не соглашался с весьма распространенным мнением о том, что советская сторона не хотела заключать договоры с Англией и Францией, а делала ставку на Гитлера, которому якобы доверял Сталин.

Генерал-полковник А. Н. Пономарев рассказывал мне, что в 1939 году он молодым человеком принимал участие в переговорах советской стороны с английской и французской военными миссиями в Москве и что руководитель советской делегации народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов не знал о визите германского министра иностранных дел Риббентропа в Москву, о его параллельных переговорах в Кремле. Однако заседания с англичанами и французами длились безрезультатно не одну неделю, а Риббентроп прилетал в Москву практически на один день. Молотов считал, что Англия и Франция сознательно завели переговоры в тупик, и мы вынуждены были подписать договор с Германией, чтобы отдалить войну, которую считали неизбежной.

— Если бы мы не вышли навстречу немцам в 1939 году, они заняли бы всю Польшу до границ. Поэтому мы с ними договорились.

Они должны были согласиться. Это их инициатива — Пакт о ненападении. Мы не могли защищать Польшу, поскольку она не хотела с нами иметь дело. Ну и поскольку Польша не хочет, а война на носу, давайте нам хоть ту часть Польши, которая, мы считаем, безусловно принадлежит Советскому Союзу.

В начале августа 1939 года английская и французская военные миссии приехали в Москву для переговоров с Советским Союзом. На фотографии адмирал Реджинальд Дракс и генерал Жозеф Думенк

И Ленинград надо было защищать. Финнам мы так не ставили вопрос, как прибалтам. Мы только говорили о том, чтобы они нам часть территории возле Ленинграда отдали. От Выборга. Они очень упорно себя вели. Мне много приходилось беседовать с послом Паасикиви — потом он стал президентом. По-русски говорил кое-как, но понять можно. У него дома была хорошая библиотека, он читал Ленина. Понимал, что без договоренности с Россией у них ничего не получится. Я чувствовал, что он хочет пойти нам навстречу, но противников было много.

04.02.1973

Финны и шведы

Я принес Молотову финское печенье.

— Финнов шведы воспитали, — говорит Вячеслав Михайлович. — Они — шведского такого налета. Культура шведская. Из европейских языков шведский им гораздо легче запомнить, использовать.

15.11.1984

— Финляндию пощадили как! Умно поступили, что не присоединили к себе. Имели бы рану постоянную. Не из самой Финляндии — эта рана давала бы повод что-то иметь против советской власти...

Там ведь люди очень упорны, очень упорны. Там меньшинство было бы очень опасно.

А теперь понемногу, понемногу можно укрепить отношения. Демократической ее сделать не удалось, так же как и Австрию.

Хрущев отдал финнам Порккала-Удд. Мы едва ли отдали бы.

С китайцами из-за Порт-Артура портить отношения не стоило, конечно. И китайцы держались в рамках, не ставили своих пограничных территориальных вопросов. А вот Хрущев толкнул...

28.11.1974

Зря фотографию дали...

— В «Истории Второй мировой войны» зря опубликовали фотографию с Куусиненом. Ни к чему. Подписали договор с Финляндией, когда Куусинен был в Москве. Из этого ничего не вышло, чего ж вылезать с этой фотографией? Есть другие, подходящие фотографии, можно было дать...

(На снимке изображены Сталин, Ворошилов, Жданов, Молотов. За столом сидит Куусинен, подписывающий договор.)

01.05.1975

— А Бессарабию мы никогда не признавали за Румынией. Помните, она была у нас заштрихована на карте? Так вот, когда она нам понадобилась, вызываю я этого Гэфенку, даю срок, чтоб они вывели свои войска, а мы введем свои.

— Вы вызвали Гэфенку, румынского посла?

— Да, да.